

Л. П. КАРСАВИН

К познанию русской революции

Отчего так быстро развалилось русское государство? — Вопрос, поставленный неправильно и, во всяком случае, устаревший. Ведь русское государство не развалилось, а перестроилось, переродилось. Речь, стало быть, должна идти не о том, почему и как оно погибло, как и во что оно переродилось или, по крайней мере, перерождается. Но ставить последний вопрос — значит ставить вопрос о революции.

Странное дело: официальная русская историография, вероятно — для того, чтобы не наводить русских людей на размышления о революции, не называла революцией московской смуты XVI–XVII вв. (со включением или исключением эпохи грозного царя), русские же люди официальной терминологии наивно поверили. В сознании русского интеллигента и даже русского историка революцией считалась великая французская, которую усердно изучали, впрочем, плохо понимая, английская, которой совсем не знали. А отсюда понятие революции без особенного разбора и размышления распространялось на всякие перевороты, только не на Смутное время.

Недоразумение, богатое последствиями. В самом деле, когда изучали Смуту, тогда, не сбиваемые термином «революция», улавливали более или менее смысл этого исторического процесса. Тогда понимали, что дело идет о своеобразном перерождении исторического организма, называемого Россией. И если Смута представлялась периодом упадка русского государства, все же она воспринималась как период временного резкого падения одной и той же линии непрерывного развития. Не было внешних, механических схем, в которые бы втискивался исторический процесс, не было «рационализма».

Зато в представлениях о революции и внешних схем, и рационализма было сколько угодно. Правда, очень часто с глубокомыслием

высказывалась вполне справедливая, но не слишком новая мысль: революция не что иное, как быстрая эволюция. Однако дальше голословного и, можно сказать, безотчетного высказывания этой мысли не шли. В общем, революцию понимали как своеобразный сознательный акт, как планомерную деятельность народа, адекватно выражаемую революционной идеологиею. И в этом смысле говорили да еще и говорят о «завоеваниях революции», в этом смысле занимались и еще занимаются «подготовкою революции».

Такое рационалистическое понимание революции неизбежно превращается в ее непонимание. Немудрено, что, проглядывая ее существо, вместо того, чтобы ее изучать, занимаются ее оценкою. И здесь очень легко бывает вскрыть наивность, абстрактность, нежизненность революционной идеологии и распространить получаемые выводы на сам революционный процесс. Тогда процесс этот предстает как бессмысленный и чисто разрушительный.

А между тем мало-мальски знакомый с историей человек не может отрицать того факта, что всякая несомненная «великая» революция в конце концов приводит государство к действительному обновлению и усилению. Так, революционная эпоха в Риме закончилась созданием принципата и последним расцветом эллинистической культуры. Так, английская революция является началом английской империи, «владычества на морях», а французская, выразившись в империи Наполеона, заканчивается консолидацией Франции и расцветом демократии в континентальной Европе. Русскую смуту XVI–XVII вв. можно понять и правильно оценить только в ее последних следствиях — русской империи.

С этой точки зрения следует различать революцию и «падение», примером которого является так называемое «падение римской империи» в V–VI веках нашей эры. Впрочем, и это падение для восточной половины империи должно быть понято как возродившая ее революция. Разумеется, и в революции есть разрушение — гибель старого; но революция тем и отличается от «падения», что в ней гибнут старые формы политической и социальной жизни и вместе с тем нарождаются новые. В «падении» же перед нами всегда гибель самого старого субъекта исторической и культурной жизни. С V–VI вв. на Западе намечается новый субъект новой «европейской» культуры, который окончательно определяется лишь к IX–X вв., но которого уже в VI в. нельзя смешать с субъектом культуры римско-эллинистической. В то же самое время на Востоке византийско-христианская культура оказывается лишь возрождением и перерождением культуры эллинистическо-христианской.

Революция всегда связана с тем, что культура и выражающий ее огосударствленный народ обладают еще жизненными силами и возможностями. По существу своему революция — болезнь роста, обострение творческого процесса. Впрочем, она случается в разные периоды культурного развития: и тогда, когда культура еще не достигла своего апогея, и тогда, когда она за свой апогей уже перевалила. Таким образом, иногда революция начинает эпоху полного раскрытия культуры, как эпоха столетней войны во Франции, иногда же является началом своего рода культурной реставрации, как в Риме.

Очевидно, что для правильного понимания революции следует быть разборчивым в терминологии и не называть именем революции всяких дворцовых переворотов и бунтов. Однако еще существеннее, изучая революцию, различать в ней форму или то, что я называю феноменологиею революции, и содержание. Со стороны формы возможно изучать революционный процесс вообще: здесь вполне уместно так называемое социологическое исследование. Со стороны же содержания революции бесконечно разнообразны, неповторимы и всякая из них понятна только в конкретной связи истории данного народа, данной культуры и данной эпохи. Мало того, содержание революции не требует необходимой революционной формы или, по крайней мере, типично революционной формы. То, что во Франции достигнуто путем революционным, освоено другими государствами Европы путем мирного, относительно, развития.

Формальную сторону революции можно определить как *перемену правящего слоя*. Это нуждается в детальных разъяснениях.

Всякий народ представляет собою личное единство. Как социальная личность он обладает своим социальным самосознанием и своею социальной волею. Однако это самосознание и эта воля не существуют где-то вне индивидуумов, которые их выражают и осуществляют, так что каждое проявление народного самосознания и народной воли является социальным актом. Особенность же социального акта заключается в том, что инициатива его всегда принадлежит индивидууму или социальной группе (а в ней опять-таки индивидууму), которые по-своему, но наиболее полным образом осуществляют или выражают то, к чему склонны и более или менее сознательно стремятся другие. Таким образом, инициативный акт, будучи в начале своем индивидуальным, является центром кристаллизации для множества аналогичных актов, которые им вызываются к бытию, его по-своему повторяют, конкретизируют, активно либо хоть пассивно поддерживают и вместе с ним составляют один гармонический социальный акт.

Ясно, что сама возможность социальных актов, без которых социальные самосознание и воля остаются в потенциальном состоянии, обусловлена наличием организации или — для такого большого организма, как народ, — государственною организацией. И понятно, что смысл государства именно в том, чтобы народ в социальной своей деятельности мог осуществить свою волю, раскрыть свое самосознание, развить свою культуру.

Государственная организация может быть более или менее совершенной, но в ней всегда есть и должно быть разделение на правящий слой и массу населения. Правящий слой — это правительство в узком смысле слова, постоянные и периодические «органы» государства и еще та среда, которая ближайшим и постоянным образом с правительством связана, «интеллигенция».

В нормальных условиях правящий слой органически связан с массой населения. Он из нее вырастает и пополняется, с нею многообразно общается и потому именно оказывается ее волевым и сознательным центром. Такая связь существует во всяком здоровом государстве: в деспотии не меньше, чем в демократической республике. Но качество и прочность государственной формы определяется тем, насколько ею обеспечивается реальность, постоянство и длительность этой связи. И здесь открывается путь к сравнительной оценке разных форм государственного устройства.

Однако при всякой форме государственного устройства, при одних скорее — при других медленнее, в конце концов происходит разрыв между массой населения и ее правящим слоем. Правящий слой замыкается в себе и обособляется. Некоторое время по инерции он еще является «народным» выразителем народного самосознания и воли. Но чем далее, тем более он живет своими интересами и идеалами, денационализируется и в конце концов перестает выполнять свою задачу и действует уже вопреки народным идеалам. Обычно это сопровождается тем, что правящий слой поддается влиянию чужой культуры, понемногу становясь чужбиною на своей родине. Так, правящий слой в Риме эллинизировался, во Франции англизировался, в России европеизировался.

Подобное ненормальное соотношение правящего слоя и массы населения (народа) может продолжаться очень долго. Но само собой разумеется, что вырождающийся правящий слой в период опасности для национального бытия окажется не на высоте своего положения. Он явно для всех обнаружит непонимание им национальных задач, свою иноземность и свое безволие. Его отрыв от народа был началом его разложения. Теперь это разложение делается очевидным фактом. Правящий слой уже не только становится непопулярным в народе и враждует с народом: он и внутри

себя распадается на враждующие уже правительство и «общество», а правительство и еще более общество распадаются на враждующие друг с другом течения, партии, группы.

Так создаются необходимые предпосылки революции. Революционный процесс с формальной своей стороны и заключается в том, что *старый денационализировавшийся и оторвавшийся от народа правящий слой погибает в саморазложении, а на его место из народа органически нарождается новый правящий слой.*

С этой точки зрения революционный процесс естественно распадается на 1) период разложения и гибели старого правящего слоя, 2) период рождения нового правящего слоя и 3) период его оформления и утверждения.

Надо с особенною настойчивостью утверждать то положение, что первый период революции является именно саморазложением правящего слоя. Вопреки революционной романтике и революционной фразеологии, никакой народ никого и ничего не свергает, как и вообще историческая жизнь движется не насилием и борьбою, а ростом положительных сил и самоумиранием отрицательных. И вовсе не случайность, что в эпоху революции старое и погибающее правительство отличается отсутствием конкретного идеала, последовательности и воли. Сенаторская олигархия в Риме, правительства и личности Карла I, Людовика XVI, Николая I — типично предреволюционны. И не было еще в истории случая, чтобы народ или общество низвергали знающую, чего она хочет и не хотящую уйти власть. Впрочем, мало не хотеть уходить; надо еще знать, чего хочешь.

Русские демократы в начале революции искренне верили, что народ низверг царскую власть. Это было проявлением революционной романтики. На самом деле, царская власть была устранена обществом, т. е. другою частью того же правящего слоя, и даже не устранена была, а безвольно капитулировала перед «обществом», которое само оказалось способным лишь на «Временное» (лучше бы — «кратковременное») «Правительство», на яркое выражение своего собственного безволия и своей собственной негодности. Временное правительство, а с ним и в нем общество так же погибало во внутренней анархии, как и правительство императорское.

Саморазложение старого правительства и старого общества, т. е. всего пережившего себя правящего слоя, является содержанием первого периода революции; и политическая гибель этого слоя начинается второй революционный период — *эпоху анархии.*

Опять-таки правильно надо понимать и революционную анархию. Сейчас только мы отвергли романтические ссылки револю-

ционеров на низвергающий и созидающий правительства народ. Однако народ в революции действительно является главным действующим лицом, только не так, как думают революционеры. Для них народ — какое-то мистическое существо, которое находится вне социальных групп и индивидуумов, т. е. — неизвестно где, и диктует свою волю, тоже — неизвестно как. Подобное нелепое представление возможно только потому, что практически, хотя и бессознательно, народ отождествляют с социальной группой, захватывающей власть, становящейся на место прежнего правительства *и... приятно отождествляющим*. И надо сказать, что в таком практическом подходе есть доля правды; во всяком случае, в нем правды больше, чем в революционном романтизме.

Как должно быть ясным из сказанного выше, народ, будучи социальной личностью, выражает себя лишь в социальных актах. Это значит, что в каждый данный момент, в частности же — в момент революционного переворота, намерения и воля народа проявляются и осуществляются лишь тогда, когда есть социальная группа и индивиды, которые, выражая и осуществляя свои намерения, тем самым более или менее приблизительно выражают и осуществляют намерения народа. Именно поэтому массы, «народ» и собираются около этой группы, этих индивидуумов, поддерживают их в некоторой незначительной мере активно, главным же образом — пассивным сочувствием и непротивлением. Но выражать и осуществлять приблизительно не то же самое, что выражать хорошо. В описываемой пассивной, а частью активной поддержке есть элемент примиряемости с индивидуальными уклонами и ошибками поддерживаемых. В некоторой мере массы вынуждены, как выразительно говорят немцы, «ins Kant nehmen» недостатки тех, кого они поддерживают, ибо и поддерживают-то они их как меньшее, чем прежнее, зло.

Поэтому поддержка не безусловна. Если появится новая социальная группа и новые индивидуумы, которые выразят народную волю с приближением большим, лучше, массы более или менее скоро могут на них свою поддержку и перенести. Равным образом и колебания народного сознания и народной воли неизбежно найдут себе выражение в появлении и взаимной борьбе нескольких руководящих групп.

Конечно, описываемое отношение народа к руководящим группам сказывается и определяется не путем сговора или всеобщего голосования, но в порядке однородности индивидуальных реакций, их интегрирования и гармонизации. Народная воля выражается только в действиях социальных групп и индивидуумов. За редкими исключениями мы познаем ее лишь задним числом.

Но с этими оговорками и при условии отказа от романтического ее ипостазирования мы о ней говорить и можем, и должны. Ибо она не фикция, а самая полновесная реальность. Как раз вследствие потенциальности и невыразимости ее вне индивидуумов мы и предпочитаем такие определения, как «народный инстинкт», «бессознательная» или «инстинктивная мудрость народа», «гений» или «дух народа», «народная душа» и т. д.

Вскрытая нами «механика» революции позволяет правильно понять революционную анархию. После падения первой революционной власти, сменившей традиционную, после самоуничтожения правящего слоя в лице не только правительства, а и общества в стране как будто и нет власти. Однако это безвластие или эта анархия происходит потому, что слишком много властей. Каждая социальная группа и чуть ли не каждый индивидуум считают себя носителями народной воли и отождествляют себя с народом. И в этом стремлении всех быть всенародною властью сказывается мудрый инстинкт народа. Для того чтобы обладать самосознанием и волею, жить личной сознательною жизнью, народ должен обладать правящим слоем. А обладать правящим слоем значит иметь власть и быть государством. Народное самосознание возможно лишь в условиях государственного бытия. Вне своей государственности народ живет придушенною, полусознательною жизнью, да и живет только потому, что питается культурою, которая создана прежней его государственностью, и потому, что помнит о своей политической самостоятельности и уповает на ее восстановление.

Революционная анархия — период борьбы претендентов на место правящего слоя и период мучительного выделения из народной толщи тех, которые в этот правящий слой войдут. В этом отношении второй период революции многими чертами сближается с эпохою образования государства. И здесь и там необходимы отбор правящего слоя и появления центра его кристаллизации. Таким центром может быть лишь социальная группа: какие-нибудь норманны или варяги, когда государство образуется, одна из партий в эпохи революций.

В революционной анархии (не лучше ли назвать ее пананархией?) среди конкурирующих претендентов на власть наибольшими шансами на поддержку народа и, следовательно, на успех обладает та социальная группа, которая 1) наиболее резко порывает с прежним правящим слоем и его традициями и 2) отличается гипертрофированными государственными качествами. Эта группа должна состоять из людей с волею к власти, даже к деспотической власти и насилию. Ведь для того, чтобы народ признал ее властью,

она не может, как дореволюционная власть, сослаться на религиозную либо историческую санкцию: этой санкции у нее просто нет, ибо она — власть захватчиков. Ей мало сослаться на волю народа, ибо на волю народа ссылалось и сменившее традиционную власть общество, а в лице своего правительства оказалось безвольным и беспомощным. Второй раз громкими фразами народа не обманешь, да и сам не обманешься. К тому же новая власть может доказать свою жизнеспособность, лишь победив анархию. Победить же анархию нельзя иначе, как не стесняясь в средствах, не останавливаясь ни перед чем диктатурой.

Всем этим определяется состав группы-победительницы, в которой неизбежно будет много насильников и даже уголовных элементов, но много и фанатиков. Отсюда же вытекает и необходимость в сильной централизованной организации и строгой внутренней дисциплине. Группа-победительница предстает как диктаторствующая партия, подобная «святым» Кромвеля, якобинцам, большевикам. И если вовсе не необходимо, чтобы революция завершалась военной диктатурой, диктатура партии в процессе революции необходима. Эта партия может возникнуть в эпоху революции или может быть дореволюционной партией, которая в революции лишь захватывает власть и внутренне перерождается, как партия большевиков и частью партия фашистов в Италии, но без нее революции не бывает. На самый худой конец она может быть до некоторой степени замещена диктатурой вождя и генералитета армии, как в Риме.

Революционная партия, принципиально отличная от партий при демократически-парламентском строе как партия единственная и диктаторская, возможна только при условии некоторой идеологии. Идеология же эта должна резко противопоставлять себя идеологиям дореволюционного правящего слоя. Однако ввиду того, что партия вполне естественно набирается из относительно образованного слоя, т. е. из того же старого правящего слоя или, по крайней мере, из низов его, идеология партии неизбежно является одной из прежних оппозиционных правительству идеологий, наиболее резко и примитивной. Она должна быть примитивной, чтобы собрать около себя новых людей, как-никак, а все-таки малообразованных.

Таким образом, с самого начала парадоксальным образом обнаруживается несоответствие между идеологией партии, с одной стороны, и партией как народной властью и самим народом — с другой. Впрочем, не следует этого несоответствия и преувеличивать. Кое-что из того, что можно назвать идеею или идейным содержанием революции, в идеологии партии все же сказывается.

Задача дальнейшего развития заключается в том, чтобы существенным образом переработать эту идеологию и сделать ее идеологиею государственною.

Однако в революционном процессе идеология партии первоначально играет роль служебную — роль организующего начала. Главное — сама партия как кристаллизационный центр нового правящего слоя. И вместе с этим революция переходит в третий свой период. Около партии воссоздается государственный аппарат: более или менее новые формы государственности и контингент управляющих, которые частью проникают и в партию, как сама партия частью проникает в аппарат. Благодаря все более и более конкретной работе и постоянному взаимодействию партийных идеологов с новою бюрократиею уже невозможно сохранение первоначальной, отвлеченной идеологии партии. Партия за нее держится, но в состоянии сохранять только прежнюю фразеологию. Чем дальше, тем сильнее обнаруживаются противоречия между революционною идеологиею и жизнью, неадекватность революционной идеологии идее революции. Революционная идеология делается препятствием даже для систематизации и укрепления того, что сделано и намечено революцией.

Созданием нового правящего слоя формальная задача революции закончена. Но здесь именно и встает во весь рост проблема содержания революции, ее «идеи». В зависимости от того, удастся ли выяснить эту идею, и стоит дальнейшее развитие. Революционная-то идеология, во всяком случае, обречена на гибель. Но она может смениться длительным периодом безыдейности, а с другой стороны, вызываемый революцией подъем народных сил может увлечь народ на путь расширения своих территорий и завоеваний.

Последнее мы наблюдаем в Англии и еще ярче во Франции. Однако отсюда не следует, что всякая революция приводит к бонапартизму. Бонапартизм во Франции вызван совершенно особыми условиями. Ведь революция во Франции протекала в атмосфере напряженной самозащиты. Естественно, что наиболее здоровые элементы уходили в армию, и армия сделалась центром правящего слоя. В иных условиях те же силы могут направиться и на внутреннюю работу.

Есть основания предполагать, что такой исход возможен для русской революции. Конечно, рискованно уже теперь формулировать ее идею. Но кое-что наметить возможно. Русская революция покончила с великорусским самодержавием и националистическим империализмом. На место национальной империи она выдвинула идею сверхнациональной федерации и восточно-европейско-азиатского, «евразийского» культурного

мира. С другой стороны, ею в началах и принципах своих создана новая политическая форма советской республики, по-видимому, могущая на долгое время обеспечить нормальное «органическое» взаимоотношение правящего слоя и широких масс населения. Эта новая форма предполагает и новое содержание, пока что подменяемое суррогатом коммунистической идеологии.

При сопоставлении русской революции с французской в некоторой мере оправдывается различие их как социальной и политической. Французская революция, пытаясь осуществить народоправство, равенство и свободу, исходила из индивидуалистического миросозерцания XVIII в. и ставила свою задачу чисто формально. Дальнейшее развитие Европы привело в демократии к установлению формальных условий свободы и равенства, т. е. к чисто политической реформе. Однако формальные условия эти оказались средством для реального их устранения. Что же касается демократического строя, то он совсем не народоправство и даже плохо обеспечивает взаимоотношение между правящим слоем и народом. Фактически в демократии народа в помине нет, а индивидуум поработчен.

Русская революция выдвинула приоритет социальной группы. Вместе с тем она расширила политику включением в нее социальной сферы и социальное сделало главной проблемой политики. Очевидно, что проблема культуры в русской революции поставлена шире и конкретнее. Разумеется, и тут встанет вопрос о так называемых субъективных публичных правах, но он уже не может быть поставлен как чисто формальный вопрос, а должен быть поставлен и со стороны реального и конкретного их содержания. Таким образом, понятие государства естественно расширяется, и государственность из формального условия народного бытия превращается в форму этого бытия. Государство получает оправдание не в том, что оно устанавливает все равно невозможное или возможное лишь в качестве бессодержательной формы равенства, а в идее справедливости: в том, что справедливо оберегает неравенство и ограничивает свободу индивидуума. А поскольку реальное и несправедливое неравенство выражается в буржуазно-капиталистическом строе, государство это не должно быть буржуазно-капиталистическим. Оно не может быть социалистическим, ибо и социализм — одна из буржуазно-капиталистических теорий. Нужно искать третий выход. Возможен ли он и каков он на самом деле, судить еще рано, ибо его пытается осуществить не теория, всегда лишь осмысляющая прошлое, а жизнь.

Чтобы понимать историческое развитие, надо отвлечься от своих пристрастий и антипатий и надо также уметь подняться над со-

временностью. Если мы сопоставляем современную советскую действительность с современной действительностью демократической Европы, то и младенцу очевидно, что в Европе больше и свободы, и равенства и, пожалуй, справедливости. Но подобное сопоставление неправильно. Демократическая Европа — плод и раскрытие французской революции. Поэтому можно сопоставлять либо французскую революцию с русской революцией, причем тут никаких преимуществ у первой не получится, либо демократическую современную Европу с тем, что получится в результате русской революции. Конечно, будущего мы не знаем. Но мы можем до некоторой степени его предугадывать. Это предугадывание и совпадает с определением идеи русской революции.

